

ОТРАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

В. В. Есипова,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІА ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье № 3.

1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *П. И. Ковалевскій.*

JUL 2 1931

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТРАВЛЕНИЕ ВЪ ИСТОРИИ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отравленіе по римскому праву.

Еще по древнему греческому праву, отравленіе преслѣдовалось со всею строгостію, но самая юридическая конструкція этого преступленія была совершенно не выяснена, и дѣянія отравителей смѣшивались съ дѣяніями маговъ и чародѣевъ.

Относительно древнѣйшаго права Греціи можно найти лишь отрывочныя указанія у Платона, Аристотеля, Поллука, Лукіана и друг. Довольно важное значеніе имѣетъ также одинъ отрывокъ изъ рѣчи Демосфена, который гласитъ слѣдующее:

Δικάζειν δὲ τὴν βουλὴν. τὴν ἐν Ἀρείῳ πάγῳ, φόνοῦ, καὶ τραύματος ἐκ προνοίας, καὶ πυρκαϊᾶς, καὶ φαρμάκων, ἔαν τις ἀποκτείνῃ δούλῳ.

Это въ буквальномъ переводѣ означаетъ: Совѣтъ Ареопага долженъ судить убійство, умышенное тѣлесное поврежденіе, поджогъ и *отравы*, если кто-нибудь, давши ихъ, причинилъ смерть. Здѣсь, впрочемъ, мы находимъ лишь указаніе на подсудность Ареопагу дѣлъ объ отравленіяхъ, а не на уголовноправовое значеніе этого преступленія.

Такимъ образомъ, отравленіе, какъ и обвиненіе въ убійствѣ, подлежало суду Ареопага, и могло быть предметомъ спеціального иска—*ὑραφῇ φαρμάκῳ* ¹⁾). Преступленіе это считалось оконченнымъ даже въ томъ случаѣ, если ядовитыя вещества не причинили непосредственно смерти жертвы; достаточно было, если они причинили смертельную болѣзнь. Наказаніемъ за преднамеренное отравленіе была смертная казнь. Эліанъ говоритъ объ одной беременной женщинѣ, которая была осуждена Ареопагомъ на смерть, но казнь ея была отложена до разрушенія ея отъ бремени ²⁾). Антифонъ упоминаетъ объ одной отравительницѣ, которая была предана въ руки палача и умерла во время колесованія.

Это преступленіе, естественно, обнимало и приготовленіе любовныхъ напитковъ, которые причиняли смерть или смертельную болѣзнь. Но въ этомъ отношеніи судьи афинскіе широко принимали во вниманіе обстоятельства уменьшающія вину. Аристотель приводитъ одно рѣшеніе Ареопага, объявляющее невинной женщину, которая, чтобы привлечь къ себѣ любовь одного гражданина, дала ему безъ злаго умысла любовный напитокъ, причинившій смерть ³⁾).

Но такой приговоръ Ареопага едва-ли выдерживаетъ критику. Законодатель афинскій, вмѣняя въ преступленіе невольное смертоубійство, показалъ-бы себя очень непоследовательнымъ, если-бы онъ освободилъ отъ наказанія отравленіе по неосторожности. Ничто и не подтверждаетъ такого предположенія; многія мѣста изъ рѣчей ораторовъ показываютъ, наоборотъ, что законодатель, во всѣхъ отношеніяхъ уподоблялъ отравленіе обыкновенному убійству. Платонъ, который въ своихъ *Законахъ*, ставитъ непроизвольное отравленіе на одну линію съ непроизвольнымъ смертоубійствомъ, очевидно, заним-

¹⁾ Pollux VIII, 40, 117. Bekker, *Anecdota graeca*, t. I, стр. 311. Thonissen, *le droit pénal de la république athénienne*, Bruxelles, 1875, стр. 248 и 249. Demosth. c. Aristocrat. 22. Lucian. *Amores*, 29.

²⁾ Aelian. *Variae Historiae*, V, 18.

³⁾ Аристотель, *Этика*, I, 17.

ствовалъ это правило изъ своего отечественнаго законодательства ¹⁾. Женщина оправданная Ареопагомъ (за изготовленіе ядовитыхъ веществъ), подлежала встаки наказанію за непроизвольное убійство.

Нѣкоторые авторы ²⁾ предполагаютъ, что извѣстная Теорида Лемносская была приговорена къ смертной казни, со всѣмъ своимъ семействомъ, за чародѣйство и магическое искусство. Но Демосѳенъ, приводя этотъ случай, говоритъ о немъ такимъ образомъ, что Теорида, по всей вѣроятности, была казнена, какъ виновная сразу и въ чародѣйствѣ и въ отравленіи ³⁾.

Правда, чародѣйство въ древней Греціи зачастую смѣшивалось съ отравленіемъ, особенно въ случаѣ приготовленія чародѣями ядовитыхъ веществъ. Такой поступокъ какъ-бы клалъ на нихъ печать подозрѣнія въ злоумышленіи на жизнь другихъ согражданъ. Подъ понятіе-же чародѣевъ подводились всѣ лица болѣе или менѣе подозрительныхъ профессій. Такъ, напримѣръ, Лукіанъ ⁴⁾, говоря объ одномъ юношѣ, прибавляетъ:

ἐν δὲ τοῖς ἄλλοις λαμβάνει τις αὐτὸν ἐραστῆς γόγης τῶν μαγείας καὶ ἐμφθᾶς θεσπεσίωνος ὑπισχνουμένων καὶ χάριτας ἐπὶ τοῖς ἐρωτικοῖς καὶ ἐπαγωγὰς τοῖς ἐχθροῖς καὶ θησαυρῶν ἀναπομπὰς καὶ κλήρων διαδοχάς,

то-есть: среди другихъ беретъ его какой-то развратникъ чародѣй (по имени Тианей), изъ числа тѣхъ, которые занимаются магіей и чудодѣйственными заговорами, которые возбуж-

¹⁾ Платонъ, о законахъ, IX. Ср. Demosth. c. Aristocrat. 22, 24.

²⁾ Telfy, Leges atticae, 1156.

³⁾ Demosth. c. Aristogiton. I, 79, 80; ср. c. Baecotos, I, 2. Thonissen, le droit pén. de la rep. athén., стр. 191.

⁴⁾ Lucian. Alex. c. 5.

Ср. Heineccii, jurisprudentia Romana et Attica, Francisci Balduini commentarii de legibus XII Tabularum, 1738, стр. 82: praestigiatores amantem, ex eorum numero, qui magiam et divinas incantationes profitentur, et thesauros reperiendi.

даютъ взаимность любви, производятъ навожденіе на враговъ, отыскиваютъ клады и устраиваютъ перемѣны въ наслѣдованіи имуществъ.

Всѣ эти, хотя и отрывочныя, положенія древне-греческаго права не остались безъ вліянія на право римское.

Однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, въ древнемъ Римѣ, считалось убійство человѣка—*homicidium*. Дѣяніе это казалось древнимъ римлянамъ столь ужаснымъ, что вначалѣ носило даже названіе—*parricidium*. Плутархъ (in *Romulo*, с. 22) говоритъ: ἴδιον δὲ τὸ μηδενίαν δίκην κατὰ πατροκτονίαν ἐρίσαντα πᾶσαν ἀνδροφονίαν πατροκτονίαν προσεπεῖν (singulare hoc est, quod qui poenam in eos, qui parentes necaverint, nullam sanxit, quodvis homicidium *parricidii* designavit nomine). При Ромулѣ или при Нумѣ Помпилиі, какъ утверждаетъ Фестъ, появился законъ такого рода: si quis hominem liberum dolo sciens morti duit parricida esto.

То-же самое, по мнѣнію Гейнеція ¹⁾, было повторено затѣмъ и въ законахъ двѣнадцати таблицъ:

Qui malum carmen incantassit, *malum venenum faxit, duxitve, parricida esto. qui parentem necassit, caput obnubito culeoque insutus in profluentem mergitor* (Jacob. Gothofredus, Legg. XII Tabularum, tab. VIII).

Изъ этихъ-то законовъ и развились впослѣдствіи первыя *quaestiones* древняго Рима по вопросу о преступномъ лишеніи жизни чрезъ отравленіе.

Такимъ образомъ, отравленіе, какъ дѣяніе преступное, было извѣстно римлянамъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Но, конечно, въ болѣе отдаленные моменты исторіи, мы не встрѣчаемъ особенно точныхъ опредѣленій этого посягательства. Наоборотъ всѣ первоначальныя указанія, касающіяся отравленія, отрывочны, неполны, неясны и сбивчивы. Только

¹⁾ Jo. Gottlieb Heinecii, *Antiquitatum Romanarum jurisprudentiam illustrantium syntagma, secundum ordinem Institutionum Justiniani digestum*, Francoforti ad Moenum, 1822, стр. 787 и 788.

со времени Корнелия Суллы начинается, собственно говоря, болѣе подробное развитіе законодательства по вопросу объ убійствахъ, совершенныхъ чрезъ отравленіе. Тѣмъ не менѣе не лишены интереса и тѣ отрывочныя данныя, которыя сохранились отъ временъ предшествующихъ.

Уже во времена Ромула было отмѣчено особое значеніе отравленія. Плутархъ указываетъ между прочимъ, что Ромулъ допустилъ одно исключеніе изъ общаго правила, запрещавшаго разводъ, и далъ мужьямъ такъ называемое *jus repudiandi* uxorem, въ томъ случаѣ, когда жена окажется виновной въ отравленіи своихъ дѣтей ¹⁾. Само собою разумѣется, что мужъ въ подобномъ случаѣ имѣлъ *jus vitae ac necis*, и для него представлялся свободный выборъ между этимъ правомъ и разводомъ—*divortium*. Таковы первые слѣды отравленія въ области римскаго права, которые, при всей ихъ скудости, указываютъ всетаки на то, что во времена Царей *veneficium* въ Римѣ было уже знакомо.

Затѣмъ, нѣкоторые юристы, слѣдуя Балдуину ²⁾ и Гейнецію (см. выше), утверждаютъ, что и въ законахъ двѣнадцати таблицъ существовало самостоятельное опредѣленіе въ отношеніи *veneficium*. Въ доказательство этого приводятъ обыкновенно небольшое разсужденіе юриста Гая и одно мѣсто изъ сочиненій Феста.

¹⁾ По Плутарху: *φαρμακία τέκνων* (Plutarchi, vita Romuli, Ed. Froben. 1560, fol. 22. infr.). Gengler, die strafrechtliche Lehre vom Verbrechen der Vergiftung, Bamberg, 1842, erstes Heft, стр. 31 и слѣд.

Bruns, fontes juris Romani antiqui, *Leges regiae*, I Romulus 9, стр. 6: Plut. (Rem. 22): Ἐθρε δε και νόμους τινάς (ὁ Ρομύλος), ὡν σφοδρὸς μὲν ἐστὶν ὁ γυναικὶ μὴ διδοὺς ἀπολείπειν ἄνδρα, γυναῖκα δε διδοὺς ἐκβάλλειν ἐπὶ φαρμακίᾳ τέκνων ἢ κλειδῶν ὑποβολῇ καὶ μοιχευθεῖσαν. (Constituit quoque leges quasdam, quarum illa dura est, quae uxori non permittit divertere a marito, at marito permittit uxorem repudiare propter *veneficium circa prolem* vel falsationem clavium vel adulterium commissum).

²⁾ Francisci Baldini libri II. in leges Romuli et leges XII Tabularum, Paris, 1554, caput X.

Опредѣленіе Гая сохранилось и въ Дигестахъ и гласить слѣдующее:

Qui venenum dicit, adjicere debet, utrum malum, an bonum; nam et medicamenta venena sunt, quia eo nomine omne continetur, quod adhibitum naturam ejus, cui adhibitum esset, mutat. cum id, quod nos venenum apellamus, graeci φάρμακον dicunt, apud illos quoque tam medicamenta, quam quae nocent, hoc nomine continentur; unde adiectione alterius nomine distinctio fit ¹⁾.

Такъ какъ это разсужденіе было помѣщено въ комментаріяхъ Гая на законы двѣнадцати таблицъ, и такъ какъ Гай разъясняетъ здѣсь почему слову „venenum“ должно предшествовать опредѣляющее добавленіе bonum или malum, — то отсюда и выводили заключеніе, что слово „venenum“ встрѣчается и въ XII таблицахъ, которыя, слѣдовательно, предусматривали и преступленіе отравленія, то-есть „veneficium“.

Но уже Деціанъ разъяснилъ, что это мѣсто изъ Гая относится къ другому, дѣйствительно существовавшему, положенію XII таблицъ: „qui malum carmen incantassit“, причемъ комментаторъ (Гай) толкуетъ выраженіе „malum carmen“ путемъ примѣрнаго сопоставленія его съ понятіемъ „malum venenum“. Во времена Гая разъясненіе подобнаго рода было гораздо болѣе существенно, чѣмъ разъясненіе слова „venenum“, которое даже и въ народной рѣчи всегда имѣло двойное значеніе ²⁾.

¹⁾ Gajus, libro quarto ad legen duodecim tabularum; fragm. 236 pr. Dig. de Verbōrum Significatione, L, 16.

Heineccii, jurisprudentia Romana et Attica. Balduini commentarii de legibus XII Tab., стр. 82.

Bruns, Fontes juris romani antiqui, Tubingae, 1876, стр. 29, Leges XII tabularum, t. VIII, 25.

Mommsen, Digesta Justiniani Augusti, vol. II, Berolini, 1870, стр. 954, D. 50, 16, 236.

²⁾ Такого мнѣнія и Генглеръ. Но нельзя не замѣтить, что и толкованіе Деціана, котораго онъ придерживается, до крайности искусственно, и можетъ быть допущено лишь съ нѣкоторою натяжкой.

Что-же касается относящейся до отравленія цитаты изъ Феста, то она построена при помощи весьма смѣлыхъ конъектуръ и дополненій, почему и не можетъ имѣть строго-юридическаго значенія. Въ дополненіи Скалигера оно имѣетъ такой характеръ:

Tribus XXXV. Aut privilegia irrogare, aut de capite civis statuere nisi maximo Comitatu vetant XII Tabularum leges, praeterquam in veneficos, quique malum carmen incantant, quia ipsi indemnati jure occiduntur.

Наоборотъ Валерій Максимъ говоритъ, что римское право до 422 года ab urbe condita вовсе не знало преступленія отравленія: *Veneficii quaestio et moribus, et legibus Romanis ignota, complurium matronarum patefacto scelere orta est* ¹⁾. Такимъ образомъ только въ 422 г., т. е. болѣе ста лѣтъ спустя послѣ законовъ XII таблицъ, появляются впервые *quaestiones veneficii*.

Вотъ что рассказываетъ по этому поводу Титъ Ливій ²⁾. Въ 422 г. а. н. (332 а. С.) случилось слѣдующее. Очень много знатныхъ гражданъ умерли совершенно внезапно, и никто не зналъ о причинахъ этого до тѣхъ поръ, пока одна служанка не сообщила эдилу К. Фабію Максиму, что нѣкоторыя знатныя матроны приготавливаютъ ядъ и занимаются отравленіемъ. Съ разрѣшенія Сената было произведено разслѣдованіе, при чемъ было обнаружено, что многія женщины, дѣйствительно, занимались изготовленіемъ отравъ. Двадцать изъ нихъ (въ томъ числѣ Корнелія и Сергія, обѣ изъ рода патриціевъ) умерли, когда ихъ заставили выпить ихъ напитки; а по дальнѣйшемъ разслѣдованіи были осуждены еще около 170 (наказаніе не указано). Во всемъ этомъ происшествіи ви-

¹⁾ Valerius Maximus, II, sep. V, § 3.

²⁾ Titi Livii ab urbe condita libri, liber VIII, cap. 18. Ср. Oro-sii histor. III. 10. Balduini commentarii, l. c.

Rein, das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus, Leipzig, 1844, стр. 406.

дѣли какое-то дурное предзнаменованіе, почему и былъ избранъ Диктаторъ *clavi figendi causa* ³⁾.

Въ 184 году до Р. Хр. (570 а. н.) преторъ К. Невій снова долженъ былъ судить отравителей и отравительницъ, которые появились уже за предѣлами Рима, въ провинціяхъ; около 2000 человѣкъ были осуждены (*Liv. XXXIX, 41*). Черезъ два года, когда внезапно умерли консуль К. Кальпурній Пизонъ и многія другія знатныя лица, претору К. Клавдію были поручены *quaestiones veneficii* въ г. Римѣ, а претору К. Менію — *quaestio ultra decimum lapidem per fora conciliabulaque*. Въ числѣ осужденныхъ въ самомъ Римѣ была и Кварта Гостилія, жена отравленнаго консула (*Liv. XL, 37*). Меній-же сообщалъ Сенату, что внѣ Рима имъ уже осуждено около 3000 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году *praetor urbanus* Р. Мучіусъ Скаевла опять получилъ *quaestio veneficii*

³⁾ *Cum primores civitatis similibus morbis eodemque ferme omnes eventu morerentur, ancilla quaedam ad Q. Fabium Maximum aedilem curulem indicaturam se causam publicae pestis professa est, si ab eo fides sibi data esset haud futurum noxae indicium. tum patefactum muliebri fraude civitatem premi, matronasque ea venena coquere et, si sequi extemplo velint, manifesto deprehendi posse. secuti indicem et coquentis quasdam medicamenta et recondita letalia invenerunt, quibus in forum delatis et ad viginti matronis, apud quas deprehensa erant, per viatorem accitis, duae ex eis Cornelia ac Sergia, patriciae utraque gentis, cum ea medicamenta salubria esse contenderunt, ab confutante indice bibere iussae, epoto medicamento suamet ipsae fraude omnes interierunt. comprehensae extemplo earum comites magnum numerum matronarum indicaverunt; ex quibus ad centum septuaginta damnatae. neque de veneficiis ante eam diem Romae quaesitum est. (Tit. Liv. l. c.).*

Zumpt нѣсколько иначе относится къ этому случаю. Указывая на то, что въ 331 г. до Р. Х. (332?) въ Римѣ свирѣпствовала чума, онъ говоритъ: „какъ всегда бываетъ при такомъ несчастіи, стала распространяться въ народѣ молва объ умыленномъ отравленіи“. И вотъ одна рабыня сдѣлала доносъ курульному Эдилу; послѣдній сообщилъ консулу, консуль сенату и т. д. (Zumpt, *das Criminalrecht der Römischen Republik*, Berlin, 1865, II, 2, стр. 212). Ср. Berner, *Lehrbuch*, § 182 примѣчанію.

въ Римѣ и *decem millia passuum* въ окружности (Liv. XL, 43 и слѣд.).

Передъ третьей Пунической войной въ 153 году до Р. Хр. снова разслѣдовались дѣла объ отравленіи и двѣ знатныя женщины, Публилія, жена Постумія Альбина, и Лицинія, жена Клавдія Азелла, за отравленіе своихъ мужей были осуждены семейнымъ судомъ (*iudicium domesticum*) и казнены—*cognatorum decteto necatae sunt* (Liv. lib. XLVIII, Val. Max. VI, 3, 8) ¹⁾.

Послѣднее осужденіе за отравленіе, до закона Корнелія, имѣло мѣсто, когда извѣстный Q. Varius Hybrida Drusum ferro, Qu. Metellum veneno sustulerat. Онъ былъ осужденъ на самое тяжкое мученіе и приговоренъ къ смертной казни—*summo cruciati supplicioque* (Cic. de nat. d. III. 33. Rein, Criminalrecht der Römer, стр. 406 и 407),

Впрочемъ, и въ древнемъ Римѣ, какъ и въ Греціи, отравленіе часто смѣшивалось съ чародѣйствомъ, такъ какъ маги, чародѣи и гадатели считались лучшими и профессиональными составителями ядовъ. Блаженный Августинъ въ сочиненіи своемъ *de Civitate Dei* воздаетъ хвалу Римлянамъ за то, что они начали преслѣдовать магію и различныя чудеса халдеевъ и говорить: *Legem fuisse in ipsis XII Tabulis adversus artes magicas*. Плиній также, говоря о магіи (lib. 30 N. H. cap. 1), добавляетъ: *Exstant et apud Italas gentes vestigia ejus in XII Tabulis nostris*; затѣмъ въ другомъ мѣстѣ, разъясняя значеніе магическихъ заклинаній, онъ пишетъ: *legum ipsarum in XII Tabulis verba fuisse: qui fruges excantasset, et qui malum carmen excantasset* (lib. 28, cap. 2) ²⁾.

¹⁾ Zumpt обращаетъ вниманіе на причины этого семейнаго суда. Дѣло въ томъ, что преторъ потребовалъ отъ обѣихъ женщинъ (женъ бывшихъ консуловъ) представленія поручителей въ явкѣ на судъ. Между тѣмъ родственники ихъ, не желая позора публичнаго осужденія, сами убили виновныхъ, по опредѣленію семейнаго совѣта (Zumpt, l. c., I, 2, стр. 106, 208).

²⁾ *Leges XII tabularum*, t. VIII. См. напр. Bruns, *fontes juris romani antiqui*, стр. 25 и 26: *tabula VIII, 1 и 8*.

Балдуинъ указываетъ на то, что родиною магіи была Персія. Изъ Персіи она была занесена впервые въ Грецію нѣкимъ Осеономъ, который сопровождалъ Ксеркса въ его походъ на Грецію. Немного спустя римляне отправили пословъ въ Грецію „ad leges petendas“; въ это время магія, которая начала-было приходить въ упадокъ, весьма восхвалялась Демокритомъ. Римляне правильно поняли ея значеніе, въ смыслѣ *μαγορῖα* или *γοητεία*, и рѣшили уничтожить это зло и изгнать его изъ предѣловъ своего государства (Balduini, *Commentarii de legibus XII tabularum*, caput X, стр. 81).

Въ 673 году отъ основанія Рима (въ 81 г. до Р. Хр.), новый диктаторъ, Л. Корнелій Сулла, утомившись наконецъ отъ своихъ жестокостей и кровавыхъ казней, чтобы защитить себя отъ меча карающей Немезиды, и отчасти чтобы исцѣлить отечество отъ нанесенныхъ ему ранъ, издалъ знаменитый законъ, названный по его имени *Lex Cornelia de sicariis et veneficiis* ¹⁾.

Этотъ законъ, въ цѣломъ рядѣ постановленій, опредѣляетъ, что всѣ злоумышленные дѣянія свободныхъ римскихъ гражданъ, посредствомъ или непосредственно угрожающія жизни и безопасности согражданъ, подлежатъ вѣдѣнію особыхъ *quaestiones*, частію вновь организованныхъ, частію-же только возобновленныхъ, и преслѣдуются весьма строгими наказаніями.

Въ пятой главѣ этого закона говорилось и объ отравленіи, какъ о томъ можно судить по одному отрывку, который Цицеронъ ²⁾ сохранилъ потомству въ своей рѣчи за Клуэн-

¹⁾ Sanio, *Observationes ad Legem Corneliam de sicariis*, Regiomont, 1827. Vockestaert, *de Cornelio Sulla legislatore*, Lugd. Bat., 1816.

Birnbaum, *über die Ansichten der Römer von dem Verbrechen der Tödtung*, insbesondere über die Grundsätze, welche in den verschiedenen die *L. Corn. de sic.* betreffenden Fragmenten enthalten sind (*Neues Archiv des Criminalrechts* Bd. XIV, Num. XXII, стр. 492 и слѣд.).

²⁾ Cicero, *pro Cluentio* cap. 53—56; *pro Coelio* cap. 23—25

ція, обвинявшагося въ отравленіи своего тестя Оппіаника, въ 688 году ab urbe condita. Вотъ что читаемъ мы здѣсь по поводу закона Корнеція Суллы:

Quicumque venenum malum fecit, fecerit, vendidit, vendiderit, emit, emerit, habuit, habuerit, dedit, dederit, de ejus capite quaerito.

Здѣсь, по справедливому замѣчанію Генглера ¹⁾, ярко выступаютъ два различныхъ вида отравительной дѣятельности, именно: а) профессиональное изготовленіе ядовитыхъ веществъ, какъ преступленіе такъ называемыхъ *venenarii* ²⁾; б) отравле-

(Klerk, de Cicer. oratione pro M. Coelio, Lugd. Bat., 1825); pro A. Milone cap. 4.

Pauli, Receptae Sententiae, Lib. V, tit. 23, I. Corpus juris antejustiniani, T. I.

Collatio legum Mosaicarum et Romanarum, tit. I, kap. II, § 1 (Huschke, jurisprudentiae antejustinianae quae supersunt, Lipsiae, 1886). Blume, Lex Dei, 1833, стр. 4.

Dig. Libr. XLVIII tit. 8.—§ 5 Inst. IV, 18.

Ср. также A. F. Rudorff, Römische Rechtsgeschichte, Erster Band, Leipzig, 1857, § 35 Leges de siccariis, veneficiis, parricidiis, стр. 85—87. Zweiter Band. Leipzig, 1859. § 112 Judicia de siccariis, parricidiis, veneficiis, стр. 370—375. Примѣры отравленій на стр. 375: А. Клуэний Авитъ въ 688 году обвинялся въ томъ, что, добившись подкупомъ осужденія своего тестя Оппіаника за отравленіе, онъ отравилъ затѣмъ осужденнаго при помощи М. Азеллія. Дейотаръ, тетрархъ Галатіи, въ 709 году обвинялся въ томъ, что покушался отравить своего внука Кастора; защитникомъ его былъ Цицеронъ. Кней Пизонъ и его жена Плавцина въ 772 г. обвинялись въ отравленіи Германика. Отравители Друза въ 784 году были казнены.

¹⁾ Gengler, Verbrechen der Vergiftung, стр. 37—51.

²⁾ Выраженіе *venenarius* происходитъ отъ слова *venenum* такъ же, какъ *incendiarius* отъ *incendium*, *sicarius* отъ *sica*, *falsarius* отъ *falsum*, и употреблялось оно для обозначенія наемныхъ убійцъ-отравителей. Выраженіе *veneficus* въ древнѣйшихъ источникахъ не встрѣчается, и впервые употребляется въ совершенно иномъ смыслѣ, какъ уничижительное добавленіе для *maleficus*, въ особенности по отношенію чародѣевъ (такое значеніе имѣлъ въ особенности женск. р. *venefica*). Въ позднѣйшей-же юриспруденціи слово *veneficium* стало

ніе въ собственномъ смыслѣ, какъ оно понимается въ современномъ правѣ. Съ другой стороны, всѣ проявленія преступной дѣятельности, въ особенности приготовленіе (*facere*), продажа (*vendere*), храненіе (*habere*) ядовитыхъ веществъ, наказывались столь-же строго, какъ и дѣйствительное отравленіе (*date*). Даже простое намѣреніе, *consilium*, образовало *crimen veneficīi* въ противоположность преступленію *venenariolum*.

Это дѣяніе подлежало особой *quaestio veneni* (или *veneficīi*); послѣдняя первоначально строго отдѣлялась отъ другихъ *quaestiones*, установленныхъ закономъ Суллы, въ особенности отъ *quaestio de caede*, и имѣла своего собственнаго судью. Но это раздѣленіе скоро исчезло; и уже процессъ Клуэвціа представляетъ примѣръ того, что *quaestiones veneni* и *corrupti iudicii* велись подъ общимъ руководствомъ одного и того-же претора.

Наказаніемъ за отравленіе, по закону Корнелія, служила республиканская *aquae et ignis interdictio* — изгнаніе изъ предѣловъ Италіи, безъ непосредственной утраты правъ гражданства. Во времена Цезаря къ наказанію изгнаніемъ присоединилась еще конфискація половины имущества; а такъ какъ во времена Августа изъ *aquae et ignis interdictio* образовалась депортація, при чемъ осталось и частичное отнятіе имущества (*ademptio bonorum*), — то Марціанъ и могъ сказать, что наказаніемъ по закону Суллы была *insulae deportatio* и

обозначать отравленіе, а подъ понятіе *venenarii* стали подводить только составителей ядовъ. Грамматически это, конечно, совершенно неправильно, такъ какъ *veneficium* (отъ *venenum* и *facere*) должно означать изготовленіе отравы, а *venenarii* (подобно *sicarii*, *falsarii*, *incendarii*) должно означать именно самихъ отравителей, а не составителей ядовъ. Это видимое противорѣчіе грамматическаго и юридическаго значенія объясняется существомъ самой дѣятельности виновныхъ: *venenarii*, какъ профессиональные, наемные убійцы-отравители, конечно, постоянно занимались приготовленіемъ отравъ; *venefici*-же были не профессиональные отравители, а простые убійцы, прибѣгнувшіе къ яду.

ademptio bonorum, что, конечно, составляет двойной анахронизмъ.

Точно такъ-же ошибается и юристъ Павелъ, говоря, что наказаніемъ за отравленіе служила депортация ¹⁾. Последняя въ то время еще вовсе не существовала, а во всѣхъ подобныхъ случаяхъ виновные приговаривались къ aquae et ignis interdictio. Впослѣдствіи-же изъ имущества убійцы-отравителя присуждалась еще нѣкоторая часть родственникамъ или дѣтямъ отравленнаго, какъ вполне основательно замѣчаетъ и Куяцій, Observationes, XIV, 4 (Jo. Cottlieb Heinecii, anti-quitatum Romanarum jurisprudentiam illustrantium syntagma, 1822, стр. 789). Съ другой стороны, наказанію подвергались не только главные виновные, но и всѣ соучастники и пособники преступленія, какъ мы это видимъ по дѣлу Клуэнція, Оппіаника, Фабриція и Скамандера ²⁾. Равнымъ образомъ покушеніе влекло такое-же наказаніе, какъ и оконченное отравленіе.

Въ своей рѣчи за Клуэнція, Цидеронъ говоритъ: Jubet lex ea,—judicem quaestionis—quaerere de veneno. In quem quaerere? Infinitum est... quicumque venenum malum fecit etc. *hominis necandi causa*. На эту внутреннюю сторону преступленія, на значеніе цѣли дѣятельности обращаютъ вниманіе и Марціанъ и Павелъ (Bruns, fontes juris Romani antiqui, leges Corneliae, стр. 81): Lex Cornelia poenam deportationis infligit ei, qui venenum *hominis necandi causa* habuerit, vendiderit, paraverit (Paul. Sent. V, tit. 23, 1. Huschke, jurisprudentiae antejustinianae quae supersunt, 1886, стр. 550).

Этотъ характеръ преступнаго умысла связить и въ са-

¹⁾ Paulus, Receptae Sententiae, V, 23, 1.

Ср. Marcianus, L. 3. princ. Dig. ad Leg. Corn. de sicariis.

²⁾ Вольноотпущенный Скамандеръ обвинялся въ томъ, что онъ „venenum habuit“; Фабрицій въ томъ, что онъ побудилъ своего вольноотпущенника „имѣть ядъ“; Оппіаникъ-же былъ главный зачинщикъ и составитель преступнаго плана, имѣвшаго цѣлію отравить Клуэнція.